

приобретали недвижимое имущество (κτῆσιν ἀκίνητον) и записывали его на имя жены или родственника. Более того, когда их собственные должники возвращали им деньги, должники аргиропратов оформляли этот возврат на имя жены или родственника ⁶⁰.

Аргиропратам, естественно, было очень трудно вернуть свои деньги, и они просили Юстиниана дать им возможность возбуждать процессы против родственников должников. Император в VII эдикте разрешил им это, но только в том случае, если выяснится мошенничество со стороны должника ⁶¹. А выяснить это было не так-то просто, как явствует из IX эдикта, в котором Юстиниану вновь пришлось вернуться к тому же вопросу. Аргиропраты опять жалуются на невозможность получить назад свои деньги. Их должники оформляют возврат денег собственными должниками на имя жены под тем предлогом, что долг якобы сделан из ее приданого или каких-либо других денег. Или же, когда должник умирает, его жена тайно получает деньги, принадлежащие аргиропрату. Аргиропраты просили Юстиниана дать им возможность подавать иск на жен своих должников с предоставлением тех расписок, которые они дали должникам своего мужа.

Император предоставил им такое право ⁶², но неизвестно, какую пользу оно могло принести аргиропратам. Речь, по-видимому, может идти только о таких расписках, где указывается, что женщина получила деньги своего мужа, а не собственные. Но, как уже было сказано, должники аргиропратов стремились оформить эти деньги как принадлежащие их женам. В таком случае положение аргиропратов оказывалось очень сложным. К тому же Юстиниан специально оговаривал случай, когда человек, имеющий расписку жены должника аргиропрата, не может представить ее в суд. Если расписка пропала, ее владельцу достаточно было дать клятву, что он ее не имеет, и тогда его следовало оставить в покое ⁶³. Это, бесспорно, открывало знатной женщине возможность подкупа и использования связей для оказания влияния на должника мужа.

Оценивая в целом законодательство Юстиниана относительно аргиропратов, можно сказать, что оно было не в их интересах. Даже в тех случаях, когда, казалось бы, он шел им навстречу (преимущество перед другими кредиторами, право на имущество, проданное должником аргиропрата, право на получение долга из купленной должником для себя или для сына должности), дело было связано с бесконечными тяжбами. Например, должник всегда мог оспаривать, что должность, купленная сыном должника, приобретена из его средств, а не из средств жены. Характерно, что процессы против должников-аристократов должны были вести аргиропраты, в то время как сами аристократы оставались в стороне ⁶⁴. Но хуже всего обстояло дело с займами, которые давали аргиропраты представителям знати. Даже после законов Юстиниана оформление подобного рода сделок оставалось недостаточно четким, и аргиропратам подчас было практически невозможно вернуть свои деньги. Запрет Юстиниана брать проценты, превосходящие норму, также был невыгоден аргиропратам. Значительное недовольство с их стороны могла вызвать финансовая политика этого императора, который понизил курс основной золотой монеты — солида ⁶⁵. Все это, по-видимому, и послужило причиной заговора, в котором аргиропраты приняли самое активное участие.

⁶⁰ Ed. VII, cap. VII.

⁶¹ Ibidem.

⁶² Ed. IX, cap. VII.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ Ed. VII, cap. III, IV.

⁶⁵ *Procopii Caesariensis Opera omnia*, vol. III. *Historia quae dicitur arcana*. Lipsiae, 1963, XXV, 12; Подробно об обезценивании солида см.: *H. Adelson. Light Weight Solidi and Byzantine Trade during the Sixth and Seventh Century*. New York, 1957, p. 20 f., 104 f.